

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.21

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова
Пятигорск, Россия

Г. Е. Попова
Астрахань, Россия

КСЕНОСТЕРЕОТИПЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И В ДИСКУРСЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

АННОТАЦИЯ. Исследование европейского парламентского дискурса последнего времени приводит к необходимости объяснить механизмы создания стереотипных ментальных моделей и программ, которые пытаются навязать общественному мнению по отношению к современной России. Формирование этно-стереотипов проявляется и закрепляется в языке, в частности, в наименованиях этнических групп — этнонимах. В этнониме в свернутой форме сосредоточены все ассоциации, стереотипные представления о той или иной группе, аккумулирующиеся на протяжении истории межэтнического взаимодействия. Среди социальных объектов, маркированных пометой «ксено», оказываются прежде всего представители иных этнических, социальных и культурно-поведенческих групп. Анализ этнонимов подтверждает, что зафиксированные в номинации гетеростереотипы чаще всего негативны. Ксеностереотипы проявляются в пейоративной деформации кодифицированных этнонимов в некодифицированных регистрах языка. В отличие от лексических ксенономинаций, дискурсивные реализации ксеномоделей имеют в большинстве своем непрямой, имплицитный модус выражения. Основной стратегией реализации когнитивной ксеномодели (в силу ее традиционной табуированности) является стратегия перевода аргументативной семантики из пропозиции в пресуппозицию. Анализ парламентской коммуникации показывает, что заложенные в пресуппозицию тезисы направлены прежде всего на создание и укрепление стереотипов мышления электората и апеллируют скорее к подсознанию, к архетипам и чувствам аудитории, создавая «нужные» ментальные схемы. В статье рассматриваются дискурсивные техники формирования ксеностереотипа России, концептуальный образ которой состоит из таких ассоциатов, как «агрессия», «нарушение норм», «диктатура автократии» и проч.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; политическая коммуникация; концептуализация России; ксеностереотипы политического дискурса; европейский парламентский дискурс; этноним; пресуппозиция; интеракциональность парламентского дискурса.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор научно-исследовательского центра интеракциональной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: ale-alfyrov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: lenakustov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, Астраханский государственный технический университет; 414056, г. Астрахань, ул.Татищева, 16; e-mail: pebble2406@mail.ru.

Политические институты, причастные к созданию тех или иных общественных когнитивных схем, должны нести полную ответственность за последствия формирования определенного ментального стереотипа, используемого ими в той или иной риторике. Временно усилившееся в Европе противостояние России и Запада подогревается дискриминационными дискурсами, во многом инспирированными некоторыми небезызвестными политическими акторами. В этой ситуации политическая лингвистика может диагностировать причины создавшейся обстановки информационно-политической конфронтации путем анализа сложившихся концептуальных схем, через понимание их внутренней структуры и механики их формирования и функционирования.

При этом важно определить позицию исследователя (интерпретатора), его отношение к рассматриваемой дискурсивной формации (в нашем случае — парламентскому дискурсу), пронизанной зачастую идеолого-мифологической риторической тенденциозностью.

Непредвзятость научного подхода, провозглашаемая как норма в политлингвистике [Чудинов 2012], «демифологизация» идеологических моделей политического дискурса иногда так или иначе сопровождается оценкой и выявлением в большей или меньшей степени эксплицитного выражения когнитивных «X-фобий», в том числе (и даже в первую очередь) ксенофобии как отторжения (социально-правовой негации) «чужих» (аут-группы). Примером такого методологического отношения к исследуемому идеологическому дискурсу может стать критический дискурс-анализ (КДА), рассматривающий в первую очередь существование дискриминационных дискурсов и по сути направленный против выражаемой ими идеологии [Дейк 2013]. Такая позиция исследователя не имеет ничего общего с априорной предвзятостью, тем более что, как заметил Л. Альтюссер, «лингвисты и те, кто призывает на помощь лингвистику с различными целями, чаще всего заходят в тупик из-за того, что они не учитывают игру идеологическими эффектами во всех типах

Статья выполнена при поддержке РФНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

© Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., 2015

дискурса, в том числе и в научном» [Althusser 1970: 30].

КДА исследует взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами не просто как «корреляционное или каузативное взаимодействие», а как «сложный социокогнитивный процесс, включающий в себя ментальные модели и другие когнитивные репрезентации» [Дейк 2013].

Трибуной «овеществления» дискурса элит традиционно выступают законодательные собрания, функция которых — возвести выражение политических интересов в ранг закона, освященного статусом «воли народа». Сегодня существование «единого» европейского политического пространства повышает политические ставки и амбиции, и в стенах Европарламента речь идет уже не о воле одного народа, а народов целого континента. Однако такое «народное единство» достаточно противоречиво, если не призрачно. Поиски «европейской идентичности» направлены в первую очередь против преодоления ксеностереотипов, которые прочно закрепляются в когнитивном пространстве и языковой картине мира посредством так называемых ксенономинаций (см. ниже).

Однако не входит ли в противоречие панъевропейская идентичность с национальной идентичностью, которая не только не растворяется в заданном европейском формате, но с еще большей силой требует поиска национальных корней, самобытности и национального самосознания?

Как известно, этническая картина мира, играющая важную роль в восприятии действительности и, соответственно, в языке, определяется традициями, обычаями, верованиями, суевериями народов (см., напр.: [Рылов 2006: 8]). При таком понимании этнокультурной составляющей языковой картины мира можно говорить о лингвоментальных этностереотипах как отражении момента самоидентификации этноса.

Носитель определенной этнической и поведенческой культуры может осмыслить себя только на фоне сопоставления себя с представителями другой культуры. Этническая идентичность, входящая в языковую картину мира, может быть представлена как результат сопоставления различных культур. Категория этнокультурной идентичности выражается в определенных номинативных и дискурсивных моделях, основанных на категориях «свой», «чужой» и «другой» [Гришаева, Цурикова 2003: 25]. Причем аксиологическая ось в этнознании разносит по полюсам две категории — «свой» и «чужой». В основе формирования концептуально-аксиологической системы восприятия «другого» лежат стереотипы сознания, представляющие собой когнитивные образцы категоризации мира. Стереотипы являются одним из проявлений и одновременно результатом социальной перцепции. Когнитивно-поведенческий стереотип как элемент языковой картины мира включает представления о ценностях, актуальных в определенной лингвокультуре, а также о наиболее типичных способах и формах вербализации данных ценностей. Формирование этностереотипов проявляется и закрепляется в языке, в частности, в наименованиях этнических групп — этнонимах. В этнониме в

свернутой форме сосредоточены все ассоциации, стереотипные представления о той или иной группе, аккумулирующиеся на протяжении истории межэтнического взаимодействия.

«Чужой» (в отличие от «другой») является крайне негативной категорией восприятия социальных объектов. Негативное отношение к иностранцам, к отдельным этносам и этническим группам представляет собой не просто особенность ментальности и поведения отдельных индивидов, но и острую социальную проблему на уровне формирования ментально-поведенческих стереотипов в национальном и общеевропейском масштабе. Шовинистические социальные проявления, как болезнь, могут обостряться и давать рецидивы. Они вызваны объективными историко-политическими факторами (война, экономический спад, приводящий к сокращению рабочих мест, террористические акты и т. п.). Язык, обладая кумулятивной способностью, фиксирует этнические гетеростереотипы, т. е. представления о другом этносе, в отдельных номинациях, во фразеологии и паремиях, в дискурсивных стратегиях, либо подчеркивающих ксенонетерпимость, либо компенсирующих негативные коннотации тех или иных этнономинаций (политкорректность).

Среди социальных объектов, маркированных пометой «ксено», находятся прежде всего представители иных этнических, социальных и культурно-поведенческих групп. Анализ этнонимов подтверждает, что зафиксированные в номинации гетеростереотипы чаще всего негативны. Прежде всего ксено-стереотипы проявляются в пейоративной деформации кодифицированных этнонимов в некодифицированных регистрах языка (разговорная речь, просторечие, аргю). Проследим это положение на примере одного из европейских языков.

Во французском языке пейоративные ксенопоказатели проявляются в таких номинациях, как *les Popoff / Ruskoff* (русские), *les Chinetoques* (китайцы), *les Chleus, les Boches* (немцы), *les Amerloques, les Ricains* (американцы), *les Beures* (арабы), *les Italboches* (итальянцы), *les Frites* (бельгийцы) и др. Пейоративная окраска перечисленных этнонимов достигается (как и в других языках) различными словообразовательными способами: аффиксацией (*Chinetoques, Amerloques* — ср. *америкосы, итальяшки, китаёзы*), усечением (*Boches, Ricains* — ср. *азеры*), гиперонимизацией (*Popoffs* — ср. *фрицы, гансы* и т. п.), ассонансной адаптацией (*Fritz* — *Frisés* — *Fridolins*; ср. *чучмеки* — *чурки* — *чебуреки*), метонимическими вариациями (*Frites* — ср. *макароники, лягушатники*). Особенными являются словосложение (*Italboches*), перестановка слогов (*verlan: Arabes* — *Beures*) и сочетание аффиксации с гиперонимизацией (*Ruskoff*). Многие из ксенономинаций частично теряют пейоративную коннотацию и конвенциализируются в рамках разговорного регистра языка с просторечной и фамильярной окраской, характеризуя определенным образом социолект говорящего субъекта: «*Vous dites toujours les „Allemands“. On dit les Chleus, les Frisés, les Verdattes, les Verts-de-gris, les Haricots verts...*» (A. Lanoux, Quand la mer se retire) [Цит. по: Гринева, Громова 1988: 139];

«*Quand les Russes, les Ricains vont péter la planète...*» (R. Séchan); «*...Ça va faire mal aux Amerloques...*» (J. Ferrat).

Ксеностереотипы проявляются в употреблении этнонимов во фразеологии и поговорках. Здесь также преобладают отрицательные коннотации и «образ врага»: «*Parler comme une vache Espagnole*» (букв. «говорить как испанская корова»), «*C'est du haut allemand*» (букв. «это верхне-немецкий» — ср. *китайская грамота*), «*C'est toujours ça que les Anglais (les Boches) n'auront pas*» (букв. «Это уж точно англичанам (немцам) не достанется» — ср. «Ни крошки врагу»).

Категория «чужие» имеет не только этническую ориентацию. Внутри этноязыкового социума существуют многочисленные категории «чужих», формируемые по принципу прагматических классов и маркируемые в языке и речи как «они», «другие», «не мы» и т. п. Многие номинации, маркирующие данные категории, изначально (в словаре) нейтральны и приобретают ксено-пейоративную коннотацию в определенных социолингвистических контекстах. Во французском языке таковы *les gens* (люди), *les nanas* (женщины), *les cocs* (коммунисты) *les intéllos* (интеллигенты), *les B.O.F.* (нубориши, ср. «новые русские»), *les BCBG* (от *bon chic, bon genre* — богатый эстет, пажон, ср. «гламурный подонок»), указательное прилагательное *ces- 'эти'* (фр.: «*Ils sont fous ces Romains!*», «*Ah, ces Russes!*», ср. англ.: «*Oh, those Russians!*») и др. [см.: Алферов, Кустова 2014].

В маркеры «чужого» включается также лексика, константно и окказионально пейоративная (и инвективная), маркирующая возрастные группы: *pépère, mère, morveux*, etc.; маргинальные группы (социальные, сексуальные и т. д.): *folles, pouffasses, pédés, SDF* (*бомж*), etc.; социально-профессиональные группы: *schmidts / poulets / flics* (полицейские); *pédagos, PDG, grosses légumes, gros culs* (ср. *шоферня*), *régouses* (ср. «*деревня*», «*степь*») и т. д. Наконец, ксеномаркерами выступают все номинативные и адъективные инвективы и пейоративы, построенные как на метафорическом переносе, так и на адъективации отдельных существительных — *ces salauds de flics; fumier de salopards* и т. д.: «*Convenons pourtant que ces bougres de „pédagos“ savaient observer, écrivaient clair, n'ont pas eu froid aux yeux et que leur destin fut singulièrement exemplaire*» [Гринева, Громова 1988: 437].

Таким образом, анализ современной французской лексики позволяет говорить о распространённости инвективной и пейоративной и, следовательно, «неполиткорректной» в речеведческом аспекте лексики, маркирующей ксенономинации на двух уровнях: 1) этнонимы, в значении которых первоначально не заложена негативная коннотация, но которые приобрели ее с течением времени; 2) ксенономинации, заключающие в своем значении отрицательную оценочность. Данные номинации употребляются в разговорной речи и обладают ярко выраженным экспрессивным эффектом.

Приводя примеры из французского языка, мы ни в коей мере не уличаем французов в ксенофобии, впрочем, как и другие лингвокультуры, — ксенономинация носит универсальный характер

социопсихологической природы. Тем более что «критическое отношение» к другим этносам самоироничные французы в своем фольклоре «компенсируют» таким же критическим отношением к себе, как следует из следующей довольно популярной шутки: «*Pourquoi le coq est le symbol des Français? — Parce que c'est le seul oiseau qui chante sur un tas de fumier*» («Почему петух — символ французов?» — «Да потому, что это единственная птица, которая поет над кучей навоза»).

Ксенономинации суть отражение определенной концептуальной модели, сложившейся в результате дискурсивной стратегии дискриминации, которая изначально осуществляется «здесь и сейчас», формируя определенную концептуально-оценочную модель, представляющую тот или иной «ксенореферент».

Сегодня ксеностереотипные номинации табуируются в цивилизованном и цивилизационном дискурсе, что вполне естественно. Дискурсивной нормой становится этническая, гендерная, классовая, профессиональная и прочая толерантность, политкорректность, входящая фундаментальной составляющей в так называемую европейскую идентичность. Однако на что опирается эта новая европейская интегральность в наблюдаемом нами парламентском дискурсе? Оказывается, проще всего объединиться перед лицом какой-нибудь реальной или выдуманной опасности. Таким «реперным» ксеноконцептом сегодня становится Россия, чуть ли не лидирующая в списке современных мировых «вызовов» и угроз. Этот ксеностереотип не только не табуируется, но и кладется во главу политической и, в частности, парламентской риторики ЕС. Европейские законодатели считают себя вправе осуществлять политический мониторинг не только стран ЕС, но и тех стран, которые не принадлежат к «элитному европейскому клубу» — этому «светлому будущему» всех «достойных» стран, которые пока находятся «в списке ожидания». И здесь в ход идут устаревшие стереотипы, такие как пресловутые «империя зла», «рука Кремля», «происки КГБ» и т. д.

Как отмечал О. Дюкро, «часто необходимо высказать некоторые вещи так, чтобы это выглядело, как будто бы мы этого не говорили, чтобы, если надо, отказаться от ответственности» [Ducrot 1972]. Семантическая и логическая импликация, а также пресуппозиция могут служить основанием для речевых импликаций и подразумеваний в определенном контексте употребления. Ведь, как известно, связь реплик в пропозициональном плане осуществляется на основе определенных семантических последовательностей, базирующихся на определенных правилах, накладывающих ограничения на ту или иную связь [Дейк 1989]. Основным условием связи реплик является презумпция истинности пресуппозиции предыдущей реплики (высказывания). Однако в реальной коммуникации ложность пресуппозиции не нарушает связности дискурса, а приводит к употреблению специальных стратегий, делающих возможным продолжение речевого взаимодействия [Алферов, Кустова, Попова 2013]. Анализ показывает, что заложенные в пресуппозицию тезисы направлены прежде всего на

создание и укрепление стереотипов мышления электората и апеллируют скорее к подсознанию, к архетипам и чувствам аудитории [см.: Зюбина 2014], создавая «нужные» ментальные схемы. Рассмотрим природу и некоторые техники формирования ксеностереотипа России, концептуальный образ которой состоит из таких ассоциативов, как «агрессия», «нарушение норм», «диктатура автократии» и проч.

Например, 15 января 2015 г. вместе с украинским кризисом Европарламент рассматривает внутренние дела России (?!), в частности, связанные с «делом Навального» [European Parliament-I]. Однако дискурс слушаний «по делу» вовсе не связан с обсуждением фактической базы рассматриваемого вопроса («*The case itself is very clear*»), он носит сугубо оценочный и риторический характер, причем, помимо эксплицитной оценки, его риторика опирается на пресуппозиции, которые приобретают доминирующую роль в воздействующем дискурсе. Так, член парламентской комиссии по международным делам ЕП, депутат от Венгрии Т. Мержерикс (Tamás Meszerics) начинает выступление со слов:

Every time we discuss a case of human rights problems or a lack of the rule of law in Russia, we hope and wish that it will be the last such case we need to discuss in this Chamber. In this case too I hope it will be the last one, but I am very much afraid that our hopes will be betrayed yet again [European Parliament-II].

За пропозицией, выражающей «добрую волю» парламентария, стоит пресуппозиция «Нарушения прав человека в России были, есть и будут», маркерами которой выступают определенные лексические единицы (*Every time we discuss; our hopes will be betrayed yet again*). Однако, как известно, говорящего трудно «привлечь к ответственности» за скрытые смыслы. Пользуясь этим, выступающий продолжает настаивать на выражении доброй воли по отношению к России:

An autocratic government running on an extreme nationalistic ticket will most likely present all these charges as being basically anti-Russian. This is far from the truth. I know that there are many of us in this Chamber who love and admire the achievements of the Russian people and who wish for Russia the sort of future in which such cases will never be mentioned in this Chamber again because there will be no need to be looking for human rights violations in Russia [Ibid].

Однако за эксплицитным выражением симпатии к русскому народу стоят некоторые маркеры (или дискурсеми — единицы дискурса), «реперные точки», рассчитанные на поддержание негативного стереотипа. Во-первых, это структура высказывания. Можно заметить, что в интенциональном фокусе высказывания-дискурса находится первая и последняя дискурсеми, занимающие наиболее конативные (воздействующие, фокусные) позиции, определяемые мнемоническими законами и свойствами тема-рематической организации дискурса: «...максимально воздействуют на слушающего первый и последний дискурсивный элемент» [Попова 2013] — в нашем случае дискурсеми, создающие негативную пресуппозицию в формировании образа современ-

ной России (*autocratic government, extreme nationalistic ticket; human rights violations in Russia*). Во-вторых, тональность каждой из реперных дискурсеми определяется статусом пресуппозиции, которую нельзя отрицать. Поэтому указанные дискурсеми отрицательной оценки имеют статус «неоспоримого утверждения», в отличие от срединной дискурсеми с модальностью мнения «*I know that*», занимающей «слабую позицию» парантезы и снижающей аргументативную значимость последующего тезиса. К тому же модальность личного знания (мнения) подразумевает, что пропозицию высказывания можно опровергнуть. К этому добавляется семантика оборота *many of us*, который предполагает оппозицию *many / all* («многие, но не все»). Совокупность указанных семантико-дискурсивных элементов создает тональность дискурса (о термине см. [Кустова, Попова, Червоный 2014]), указывающую на негативную оценку России, характерную сегодня для Европарламента.

Нужно заметить, что самим парламентариям такая стратегия ясна, а для некоторых неприемлема. Например, депутат от Левого фронта (Front de Gauche) г-жа М. К. Вержья (Marie-Christine VERGIAT) заявляет:

...nous allons voter aujourd'hui deux résolutions, l'une sur la Russie et l'autre sur l'Ukraine. Dans les deux, on trouve ce que j'appellerais volontiers les monomanies de certains membres de cette Assemblée, qui sont beaucoup plus prudents quand il s'agit, par exemple, de certains pays du Golfe dans lesquels on peut condamner un jeune blogueur de trente ans à mille coups de fouet sans que cela ne suscite d'émotion. Que veut l'Union européenne? Faire plier la Russie ou œuvrer à une authentique amélioration de la situation des droits de l'homme dans ce pays? [European Parliament-I] / ... мы будем голосовать сегодня за две резолюции — по России и по Украине. В обоих случаях мы видим то, что я могла бы прямо назвать мономанией (навязчивой идеей — авт.) некоторых депутатов, которые проявляют гораздо большую терпимость в оценке, например, некоторых стран Залива, в которых тридцатилетний блогер приговаривается к тысяче ударам плетью, и это у них не вызывает никаких эмоций. Чего же добивается Евросоюз? Создать Россию или способствовать действительному улучшению ситуации с правами человека в этой стране?

Как известно, предвзятое отношение к России традиционно, еще со времен холодной войны, а может быть, и с гораздо более раннего времени, опирается на политические стереотипы, которые превратились в «конвенциональные знаки», употребляемые автоматически и принимаемые за аксиомы. Показательно выступление Б. Стаса (Bart Staes), депутата от партии «зеленых», на заседании парламента еще в октябре 2008 г. Говоря о том, что в военном конфликте между Россией и Грузией нет победителей, он между прочим называет эти «вечные» проблемы России:

Le débat d'aujourd'hui est centré sur nos relations avec la Russie. La situation de la Russie reste très critique, et c'est un euphémisme, dans les domaines de la démocratie, du respect des droits de l'homme, de la liberté de la presse et de la liberté

d'association, de la situation en Tchétchénie — qui ne fait peut-être plus les gros titres, mais ceux qui la suivent de près savent que la situation en Tchétchénie est toujours très critique — et aussi en ce qui concerne les problèmes impliqués par les préparatifs des Jeux olympiques d'hiver à Sochi. Tous ces sujets sont la cause de nombreux problèmes [European Parliament-III] / Сегодняшние дебаты посвящены отношениям с Россией. Ситуация в России остается очень критической (досл. — авт.), и это еще мягко сказано, когда речь идет о демократии, уважении прав человека, свободе прессы и свободе собраний, положении в Чечне, которое, возможно, уже не так актуально, но те, кто следит за этим, знают, что положение в Чечне остается критическим, к тому же возникают проблемы с подготовкой к Олимпийским играм. Все это создает большие проблемы.

Как видим, набор стереотипов стабилен, хоть и пополняется время от времени новыми «проблемами», такими как подготовка к Олимпиаде, которая каким-то образом создала, по словам депутата, угрозу европейскому сообществу (?!). Есть стереотипы, от которых евродепутатам трудно (или не хочется) отказываться. Кроме вышеупомянутой «Чечни», до сих пор их беспокоят «призраки прошлого», которые стали привычными, как домашние тапочки: «*the increasing role of the FSB — i.e. former KGB — in running Putin's Russia*» (Charles Tannock, 15.01.2015; [European Parliament-I]), или, например, реплика в ответ на приведенное выше выступление М. К. Вержья, показывающая ментальные схемы, практически объединяющие концепты КРЕМЛЬ, СТАЛИН, КОММУНИЗМ как составляющие ментальной карты современной России:

...il faut défendre M. Navalny, d'autant plus que la réaction du Kremlin est une répétition des pratiques stalinienne. On l'a accusé, comme au temps de Staline et des autres bolchéviques dans tous les pays communistes, d'avoir commis des délits... C'est du stalinisme pur et dur, Madame Vergiat. Je sais que vous êtes touchée chaque fois que nous discutons des crimes du communisme! [European Parliament-I] / ...нужно защитить Навального тем более, что реакция Кремля — это повторение сталинской практики. Его обвинили в преступлении, как во времена Сталина и других большевиков в других коммунистических странах... Это сталинизм во всей его красе, мадам Вержья. Я знаю, что вас всегда задает обсуждение преступлений коммунизма.

Однако концептуализация политики России в сегодняшней Европе, хоть и подвержена инерции стереотипного политического мышления, все-таки приобретает черты многополюсного аналитического конструкта. Нужно отметить, что часть евродепутатов не просто отмечают тенденциозность негативного отношения к России, но и говорят о предвзятой оценке событий на Украине:

Jean-Luc Mélenchon (GUE/NGL), — *Cette résolution unique dénonce „l'agression“ russe en Ukraine et demande le maintien des sanctions contre la Russie. Pour justifier ces prises de position, elle présente comme des faits avérés des affirmations très discutables comme „l'impossibilité des enquêteurs à accéder au site du crash du MH17“ ou la présence*

d'un „flux continu d'armes et de munitions en provenance de la Russie“. Mais sans aucune réaction quant à la présence de Svoboda au gouvernement. Ou sur la division Azof qui compose le gros des troupes ukrainiennes et qui a le même emblème que la division nazie „Das Reich“ responsable entre autres du massacre d'Oradour sur Glane. Je vote contre ce texte belliciste. Je me réjouis donc des défaites des bandes armées „ukrainiennes“ néo-nazies [European Parliament-I] / Ж.-Л. Меленшон, группа Объединенных левых. — Эта уникальная резолюция обличает русскую „агрессию“ и требует продолжения санкций против России. Чтобы оправдать свою позицию, она представляет как доказанные очень дискуссионные утверждения о „невозможности прибытия экспертов на место крушения самолета MH17“ или наличии „потока оружия и боеприпасов из России“. Но в ней нет никакого упоминания о присутствии членов партии „Свобода“ в правительстве Украины или о дивизии „Азов“, чья эмблема заимствована у нацистской дивизии „Das Reich“, виновной в боине в Орадуре и других. Я голосую против этого раздувающего войну текста. И я радуюсь поражениям вооруженных банд „украинских“ неонацистов.

Таким образом, европарламентский дискурс есть составляющая сегодняшней общеполитической коммуникации и не лишен влияния насаждаемых в европейском сообществе стереотипов, уходящих корнями в этнопсихологическое подсознательное, а чаще всего основанных на давних геополитических «вождедениях» некоторых политических акторов. Преодоление ксеностереотипов действительно должно стать отличительной чертой не только дискурса, но и ментальности, не только национальной или европейской, но и просто человеческой идентичности. Парламентская практика является мощным инструментом формирования политического климата в межнациональном сосуществовании. Ксеностереотипы, как эксплицитные, так и имплицитные, должны стать предметом порицания и санкций в деонтологии парламентского дискурса, возможно, не без помощи экспертного лингвопрагматического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 2. С. 77—79.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 1. С. 59—62.
3. Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка. — М.: Русский язык, 1988.
4. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. — Воронеж: ВГУ, 2003.
5. Дейк ван Т. А. Язык, познание, коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.
6. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013.
7. Зюбина И. А. Отражение личностных потребностей в убеждающей коммуникации (на примере Британского парламента) // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 4. С. 162—164.
8. Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Червоный А. М. Субъектность, тональность и релевантность французского парламентского дискурса // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 4. С. 104—107.
9. Попова Г. Е. Категория релевантности в речевой интеракции // Актуальные аспекты интеракционной теории языка: моногр. Гл. 2. / под ред. А. В. Алферова, Е. Ю. Кустовой. — Пятигорск, 2013. — С. 42—76.

10. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. — М.: Гнозис, 2006.

11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2012.

12. Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // La Pensee. 1970. № 151.

13. Ducrot O. Dire et ne pas dire. — P., 1972.

14. European Parliament-I: Parlement Européen: Russie, en particulier le cas d'Alexei Navalni. Débats. Jeudi 15 janvier 2015 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20150115&secondRef=ITEM-009-01&language=FR> (дата обращения: 06.08.2015).

15. European Parliament-II: Parlement Européen: Situation en Ukraine et état des relations entre l'Union européenne et la Russie. Débats. Jeudi 18 septembre 2014 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+CRE+20140916+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#creitem4> (дата обращения: 06.08.2015).

16. European Parliament-III: Parlement Européen: Relations UE-Russie. Débats. Mardi 21 octobre 2008 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+PV+20081021+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#pvitem39> (06.08.2015).

A. V. Alferov, E. Y. Kustova
Pyatigorsk, Russia

G. E. Popova
Astrakhan, Russia

XENO-STEREOTYPES IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW AND THE DISCOURSE OF EUROPEAN PARLIAMENT

ABSTRACT. *The study of the modern European parliamentary discourse makes it necessary to explain the mechanisms of creating stereotypical mental models and programs which are imposed upon the public opinion towards modern Russia. The formation of ethnic stereotypes is shown and fixed in language, in particular, in the names of ethnic groups — ethnonyms. In this conceptual form all associations, stereotypical representations about a certain ethnic group, accumulated throughout the history of interethnic interaction, are concentrated. Among the social objects marked by 'xeno'- there are, first of all, representatives of other ethnic, social and cultural-behavioral groups. The analysis of xeno-nominations confirms that the hetero-stereotypes fixed in a nomination are more often negative. First of all, xeno-stereotypes are shown in pejorative deformations of codified forms in non-codified registers of language. In contrast to lexical xeno-nominations, discursive realizations of xeno-models have in the majority an indirect form, i.e. an implicit modus of expression. The basic strategy of cognitive xeno-models realization (due to its traditional taboo character) is transferring the strategy of argumentative semantics from proposition to presupposition. The analysis shows that the theses placed in presupposition are meant first of all to create and strengthen the thinking stereotypes of the electorate and appeal, more likely, to sub-consciousness, to audience's archetypes and feelings, creating the "necessary" mental schemes. The authors analyze the nature and some technologies of formatting the xeno-stereotype of Russia, the conceptual image of which consists of such associations as "aggression", "violation of the norms", "dictatorship of autocracy" and so on.*

KEYWORDS: parliamentary discourse; European parliament; parliamentary communication; conceptualization of Russia; xeno-stereotypes in parliamentary discourse; presupposition in interactional linguistic analysis.

ABOUT THE AUTHOR: *Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional Linguistics & Law and Institutional Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kustova Elena Yur'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Galina Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages for the Humanities, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia.*

REFERENCES

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Interaksional'noe regulirovanie kognitivnogo prostranstva sobesednikov // Vestn. PGLU. 2013. № 2. S. 77—79.

2. Alferov A. V., Kustova E. Yu. Pragma-semanticheskaya konversiya kak faktor dinamiki yazykovoy sistemy // Vestn. PGLU. 2014. № 1. S. 59—62

3. Grineva E. F., Gromova T. N. Slovar' razgovornoy leksiki frantsuzskogo yazyka. — М.: Russkiy yazyk, 1988.

4. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii. — Voronezh: VGU, 2003.

5. Deyk van T. A. Yazyk, poznanie, kommunikatsiya. — М.: Progress, 1989.

6. Deyk van T. A. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — М.: Librokom, 2013.

7. Zyubina I. A. Otrazhenie lichnostnykh potrebnostey v ubezhdayushchey kommunikatsii (na primere Britanskogo parlamenta) // Vestn. PGLU. 2014. №4. S. 162—164.

8. Kustova E. Yu., Popova G. E., Chervonyy A. M. Sub"ektnost', tonal'nost' i relevantnost' frantsuzskogo parlamentnogo diskursa // Vestn. PGLU. 2014. № 4. S. 104—107.

9. Popova G. E. Kategoriya relevantnosti v rechevoy interaktsii // Aktual'nye aspekty interaksional'noy teorii yazyka : monogr. Gl. 2. / pod red. A. V. Alferova, E. Yu. Kustovoy. — Pyatigorsk, 2013. — S. 42—76.

10. Rylov Yu. A. Aspekty yazykovoy kartiny mira: ital'yanskiy i russkiy yazyki. — М.: Gnozis, 2006.

11. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — М.: Flinta : Nauka, 2012.

12. Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // La Pensee. 1970. № 151.

13. Ducrot O. Dire et ne pas dire. — R., 1972.

14. European Parliament-I: Parlement Européen: Russie, en particulier le cas d'Alexei Navalni. Débats. Jeudi 15 janvier 2015 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20150115&secondRef=ITEM-009-01&language=FR> (дата obrashcheniya: 06.08.2015).

15. European Parliament-II: Parlement Européen: Situation en Ukraine et état des relations entre l'Union européenne et la Russie. Débats. Jeudi 18 septembre 2014 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+CRE+20140916+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#creitem4> (дата obrashcheniya: 06.08.2015).

16. European Parliament-III: Parlement Européen: Relations UE-Russie. Débats. Mardi 21 octobre 2008 — Strasbourg. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-/EP//TEXT+PV+20081021+ITEMS+DOC+XML+V0//FR&language=FR#pvitem39> (06.08.2015).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.